КНИГА ЗА КНИГОЙ

А. Фадеев

МЕТЕЛИЦА
САШКО

Издательство
„Детская литература"

Метелица - Сашко [авторский сборник]

Александр Александрович Фадеев

Аннотация
Александр Фадеев. МЕТЕЛИЦА. САШКО
Метелица. (отрывок из романа «Разгром»)
Сашко. (отрывок из романа «Молодая гвардия»)

Аннотация

В этой книге напечатаны два рассказа: «Метелица» (отрывок из романа «Разгром») и «Сашко» (отрывок из романа «Молодая гвардия»).

Рисунки *В. И. Ладягина* и *И. М. Браславского*.

Содержание:

Метелица (отрывок из романа «Разгром», иллюстрации В. И. Ладягина)

Сашко (отрывок из романа «Молодая гвардия», иллюстрации И. М. Браславского)

Для младшего школьного возраста

Ответственный редактор *Л. И. Докуша*.
Художественный редактор *В. А. Горячева*.
Технический редактор *Л. Б. Сиголаева*.
Корректоры *К. П. Тягельская*.

Александр Фадеев
МЕТЕЛИЦА
САШКО

Рассказы

Александр Александрович Фадеев

(1901–1956)

Метелица
(отрывок из романа «Разгром»)

1

В сырую полночь в начале августа пришла в отряд Левинсона конная эстафета.[1] Прислал её старый Суховей-Ковтун — начальник штаба

---

[1] Примечания: 1
Конная эстафета — сообщение, известие, которое привёз всадник.

партизанских отрядов. Старый Суховей писал о нападении японцев на главные партизанские силы, о смертном бое под Извёсткой, о том, что сам он прячется в охотничьем зимовье, раненный девятью пулями…

Ливенсон получил эстафету в половине первого ночи, а через полчаса конный взвод пастуха Метелицы разлетелся по дорогам, разнося тревожную весть.

Забравшись в глухие места, Левинсон почти потерял связь с другими отрядами. Таёжными тропами, где много лет уже не ступала человеческая нога, вёл он своих партизан.

Вся Улахинская долина была занята японцами и колчаковцами.[2] Неприятельская разведка шарила по всем направлениям и не раз натыкалась на дозорных Левинсона.

Ранним утром Левинсона отрезали от гор, но после двухчасового боя, потеряв до тридцати человек, он прорвался сквозь отряды противника. Колчаковская конница преследовала его по пятам.

---

[2] Примечания: 2

Колчаковцы — части белогвардейской армии, которые возглавил адмирал царского флота Колчак, организовавший в 1918 году при поддержке иностранных империалистов выступление контрреволюционных войск на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. В начале 1920 года эти войска были разгромлены Красной Армией.

— Дальше держаться в этом районе немыслимо, — сказал сумрачно Левинсон. — Единственный путь — на север. — Он расстегнул полевую сумку и вынул карту. — Вот… здесь можно пройти хребтами… Далеко, правда, но что ж поделаешь…

Левинсон решил заночевать в тайге. Он надеялся, прощупав путь разведкой, пробраться в долину Тудо-Ваки, богатую лошадьми и хлебом.

— В разведку Метелица поедет, ночевать здесь будем, — сказал Левинсон своему помощнику Бакланову и отдал распоряжение.

— Стой! — закричали впереди.

Возглас передавался по цепи, и, в то время как передние уже стали, задние продолжали напирать.

— Метелицу! Метелицу зовут!.. — снова побежало по цепи.

Через несколько секунд, согнувшись по-ястребиному, примчался Метелица, и весь отряд с гордостью проводил глазами его цепкую пастушью посадку.

Отправляя Метелицу в разведку, Левинсон наказал ему вернуться этой же ночью. Метелица покинул отряд около четырёх часов пополудни и на совесть гнал своего жеребца. Уже совсем стем-

нело, когда он выбрался из тайги и придержал жеребца возле старого и гнилого, с провалившейся крышей омшаника.[3]

Он привязал лошадь и, хватаясь за рыхлые, осыпающиеся под руками края сруба, взобрался на угол, рискуя провалиться в тёмную дыру. Приподнявшись на цепких полусогнутых ногах, стоял он минут десять, не шелохнувшись, зорко вглядываясь и вслушиваясь в ночь.

Метелица впрыгнул в седло и выехал на дорогу. Её чёрные, давно не езженные колеи едва проступали в траве. Тонкие стволы берёз тихо белели во тьме, как потушенные свечи.

Он поднялся на бугор: слева шла чёрная гряда сопок, изогнувшаяся, как хребет гигантского зверя; шумела река, верстах в двух, должно быть возле самой реки, горел костёр; дальше, пересекая дорогу, тянулись желтые немигающие огни деревни.

Метелице стало холодно: он был в расстёгнутой солдатской фуфайке поверх гимнастёрки с оторванными пуговицами, с распахнутым воротом. Он решил ехать сначала к костру. На всякий случай вынул из кобуры револьвер и сунул за пояс,

---

[3] Примечания: 3

Омша́ник — утеплённое помещение для зимовки пчёл.

под фуфайку, а кобуру спрятал в сумку за седлом.

Он был уже совсем близко от костра, — вдруг конское тревожное ржанье раздалось во тьме. Жеребец рванулся и, вздрагивая могучим телом, прядая ушами, ответил на ржанье. В то же мгновение у огня качнулась тень. Метелица с силой ударил плетью и взвился вместе с лошадью.

У костра, вытаращив испуганные глазёнки, держась одной рукой за кнут, а другую приподняв, точно защищаясь, стоял худенький черноголовый мальчишка. Он был в лаптях, в изорванных штанишках, в длинном, не по росту, пиджаке, обёрнутом вокруг тела и подпоясанном пенькой.

Метелица свирепо осадил жеребца перед самым носом мальчишки, едва не задавив его. Он увидел перед собой испуганные глаза, штанишки с просвечивающими голыми коленками и убогий, с хозяйского плеча пиджак, из которого так виновато и жалко смотрела тонкая и смешная детская шея.

— Чего же ты стоишь? Напужался?.. Ах ты, воробей, воробей! Вот дурак-то тоже! — заговорил Метелица. — Стоит, и крышка! А ежели б задавил тебя?..

Мальчишка от испуга едва перевёл дух.

— А чего ж ты налетел, как бузуй?[4] — сказал он, всё ещё робея. — Напужаисси — тут у меня кони…

— Ко-они? — насмешливо протянул Метелица. — Скажите на милость! — Он упёрся в бока, откинулся назад, рассматривая парнишку, и вдруг засмеялся.

Парнишка смущённо, недоверчиво шмыгнул носом, но, поняв, что страшного ничего нет, а всё, наоборот, выходит ужасно весело, сморщился так, что нос его вздёрнулся кверху, и тоже — совсем по-детски — залился озорно и тоненько. От неожиданности Метелица прыснул ещё громче, и они оба хохотали так несколько минут: один — раскачиваясь в седле взад и вперёд, а другой — упав на траву, упёршись в землю ладонями и откидываясь назад всем телом при каждом новом взрыве.

— Ну и насмешил, хозяин! — сказал наконец Метелица, выпрастывая ногу из стремени. — Чудак ты, право… — Он соскочил на землю и протянул руки к огню.

---

[4] Примечания: 4
Бузуй, или **бузун**, — драчун, забияка.

Парнишка, перестав смеяться, смотрел на него с серьёзным и радостным изумлением, как будто ждал от него ещё самых неожиданных чудачеств.

— И весёлый же ты, дьявол! — выговорил он наконец.

— Я-то? — усмехнулся Метелица. — Я, брат, весёлый…

— А я так напужался, — сознался парнишка. — Кони тут у меня. А я картошку пеку…

— Картошку? Это здорово! — Метелица уселся рядом, не выпуская из рук уздечки. — Где же ты берёшь её, картошку?

— Вона, «где берёшь»… Да тут её гибель! — И парнишка повёл руками вокруг.

— Воруешь, значит?

— Ворую. Давай я подержу коня-то… Да я, брат, не упущу, не бойся… Хороший жеребец! — сказал парнишка, опытным взглядом окинув ладную, худую, с поднятым животом и мускулистую фигуру жеребца. — А ты откуль сам?

— Ничего жеребец, — согласился Метелица. — А ты откуда?

— А вон, — кивнул мальчишка в сторону огней. — Ханихеза — село наше… Сто двадцать дворов…

— Так… А я с Воробьёвки, за хребтом. Может, слыхал?

— С Воробьёвки? Не, не слыхал — далеко, видать…

— Далеко…

— А к нам зачем?

— Да как сказать… Это, брат, долго рассказывать… Коней думаю у вас купить; коней, говорят, у вас тут много… Я, брат, их люблю, коней-то, — хитро сказал Метелица, — сам всю жизнь пас, только чужих.

— А я, думаешь, своих? Хозяйские…

Парнишка выпростал из рукава худую, грязную ручонку и кнутовищем стал раскапывать золу, откуда заманчиво и ловко покатились чёрные картофелины.

— Может, ты хлеба хочешь? — спросил он. — У меня есть, только мало…

— Спасибо, я только что нажрался — вот, — сказал Метелица, показав по самую шею.

Парнишка разломил картофелину, подул на неё, сунул в рот половинку вместе с кожурой, повертел на языке и с аппетитом стал жевать. Прожевав, он посмотрел на Метелицу и сказал:

— Сирота я, полгода уж, как сирота. Тятьку у меня казаки вбили, и мамку вбили, и брата тоже…

— Казаки? — встрепенулся Метелица.

— А кто же? Вбили почём зря. И двор весь попалили, да не у нас одних, а дворов двенадцать, и каждый месяц наезжают, сейчас тоже человек сорок стоит. А волостное село за нами, Ракитное, так там цельный полк всё лето стоит. Ох, и лютуют!.. Бери картошку-то…

— Как же вы так — и не бежали?.. Вон лес у вас какой… — Метелица даже привстал.

— Что ж лес? Век в лесу не просидишь. Да и болото там — не вылезешь, такое бучило…[5]

[5] Примечания: 5
Бучило — провал, яма, куда стекает вода.

— Знаешь что? — сказал Метелица, подымаясь. — Попаси-ка коня моего, а я в село схожу. У вас, я вижу, тут не то что купить, а и последнего отберут…

— Что ты скоро так? Сиди… — сказал пастушонок, сразу огорчившись, и тоже встал. — Одному скушно тут, — пояснил он жалостным голосом, глядя на Метелицу большими просящими и влажными глазами.

— Нельзя, брат. — Метелица развёл руками. — Самое разведать, пока темно… Да я вернусь скоро, а жеребца спутаем… Где у них там самый главный стоит?

Парнишка объяснил, как найти дом попа, где стоит начальник эскадрона[6] и как лучше пройти задами.

— А собак у вас много?

— Собак хватает, да они не злые.

Метелица, спутав жеребца и попрощавшись, двинулся по тропинке вдоль реки. Парнишка с грустью смотрел ему вслед, пока он не исчез во тьме.

---

[6] Примечания: 6
Эскадрон — подразделение кавалерийского полка.

2

Через полчаса Метелица был под самым селом. Тропинка свернула вправо, но он продолжал идти по скошенному лугу, пока не наткнулся на мужицкие огороды.

Село уже спало; огни потухли; чуть видны были при свете звёзд тёплые соломенные крыши хатёнок.

Метелица, миновав два переулка, свернул в третий. Собаки провожали его неверным хриплым лаем, точно напуганные сами, но никто не вышел на улицу, не окликнул его.

Метелица прошёл ещё несколько переулков, кружа возле церкви, и наконец упёрся в крашеный забор поповского сада. Метелица пошарил глазами, прислушался и, не найдя ничего подозрительного, бесшумно и быстро перемахнул через забор.

Сад был густой и ветвистый, но листья уже опали. Метелица, почти не дыша, пробирался вглубь. Кусты вдруг оборвались, и налево от себя он увидел освещённое окно. Оно было открыто. Там сидели люди. Ровный, мягкий свет струился по опавшей листве, и яблони стояли в нём, как золотые…

Люди играли в карты за столом, в глубине комнаты. По правую руку сидел маленький старый попик в прилизанных волосиках; он ловко сновал по столу худыми маленькими ручками, неслышно перебирая карты игрушечными пальцами. Лицом к Метелице сидел красивый полный офицер с трубкой в зубах. Метелица принял его за начальника эскадрона. Слева сидел офицер в чёрной папахе и в бурке без погон, в которую кутался всякий раз после того, как сбрасывал карту.

Метелица, согнувшись и пятясь боком, полез от окна. Он только свернул в аллею, как вдруг лицом к лицу столкнулся с человеком в казачьей шинели, наброшенной на одно плечо; позади него виднелись ещё двое.

— Ты что тут делаешь? — удивлённо спросил этот человек, придержав шинель, чуть не упавшую, когда он наткнулся на Метелицу.

Метелица отпрыгнул в сторону и бросился в кусты.

— Стой! Держи его! Держи! Сюда!.. Эй!.. — закричало несколько голосов.

Резкие, короткие выстрелы затрещали вслед.

Метелица, путаясь в кустах и потеряв фуражку, рвался наугад, но голоса стонали, выли уже где-то впереди, и злобный собачий лай доносился

с улицы.

— Вон он, держи! — крикнул кто-то, бросаясь к Метелице с вытянутой рукой.

Пуля визгнула у самого уха.

Метелица тоже выстрелил. Человек, бежавший на него, споткнулся и упал.

— Врёшь, не поймаешь… — торжественно сказал Метелица, до самой последней минуты действительно не веривший в то, что его могут скрутить.

Но кто-то большой и грузный навалился на него сзади и подмял под себя. Метелица попытался высвободить руку, но жестокий удар по голове оглушил его…

Потом его били подряд, и, даже потеряв сознание, он чувствовал на себе эти удары ещё и ещё…

3

В низине, где спал отряд Левинсона, было темновато и сыро, но из оранжевого прогала за Хаунихедзой глянуло солнце, и день медленно занялся над тайгой.

Дневальный, прикорнувший возле лошадей, заслышал во сне настойчивый звук, похожий на далёкую пулемётную дробь, испуганно вскочил,

схватившись за винтовку. Но это стучал дятел на старой ольхе возле реки.

Дневальный выругался и, ёжась от холода, кутаясь в дырявую шинель, вышел на прогалину.

«А Метелицы нет всё… Нажрался, видать, и дрыхнет где-то в избе, а тут не евши сиди!» — Подумал дневальный.

Он не решился потревожить Левинсона и разбудил его помощника Бакланова.

— Что? Не приехал? — завозился Бакланов, тараща спросонья ничего не понимающие глаза. — Как не приехал? Нет, да ты, братец, оставь, не может этого быть… Ах да! Ну, буди Левинсона. — Он вскочил, быстрым движением перетянув ремень, собрав к переносью заспанные брови.

Левинсон, как ни крепко он спал, тотчас же открыл глаза и сел. Взглянув на дневального и Бакланова, он понял, что Метелица не приехал и что уже давно пора выступать. В ту же минуту он стоял на коленях и, свёртывая скатку, отвечал на тревожные расспросы Бакланова.

— Ну, и что ж такого? Я так и думал… Конечно, мы встретим его по дороге.

— А если не встретим?

— Если не встретим?.. Слушай, нет ли у тебя запасного шнурка на скатку?

— Вставай, вставай, кобылка! Даёшь деревню! — кричал дневальный, ногами расталкивая спящих.

Из травы подымались всклоченные партизанские головы.

Мысль о том, что Метелица мог попасть в руки врага, плохо прививалась людям. Каждый партизан старательно и боязливо гнал её от себя. Наоборот, предположение дневального, что взводный «нажрался и дрыхнет где-то в избе», хоть и не похоже это было на быстрого и исполнительного Метелицу, всё больше собирало сторонников. Многие открыто роптали на «подлость и несознание» Метелицы и надоедали Левинсону с требованием немедленно выступить ему навстречу. И когда Левинсон отдал наконец приказ выступать, в отряде наступило такое ликование, точно с этим приказом на самом деле кончались всякие беды и мытарства.

Они проехали час и другой, а взводный с лихим и смолистым чубом всё не показывался на тропе. Они проехали и ещё столько же, а Метелицы всё не было.

К таёжной опушке отряд подходил в суровом молчании.

4

Метелица очнулся в большом тёмном сарае. Он лежал на голой сырой земле. Он сразу вспомнил всё, что произошло с ним. Удары, нанесённые ему, ещё шумели в голове, волосы ссохлись в крови — он чувствовал эту запёкшуюся кровь на лбу и на щеках.

Первая мысль, которая пришла ему в голову, была мысль о том, нельзя ли уйти. Он обшарил весь сарай, ощупал все дырочки, попытался даже выломать дверь. Он натыкался всюду на холодное дерево, а щели были так малы, что они с трудом пропускали тусклый рассвет осеннего утра.

Метелица не успел ещё осмотреть сарай, как за дверями послышалась возня, заскрипел засов, и вместе с серым утренним светом вошли в сарай два казака с оружием и в лампасах.[7] Метелица, расставив ноги, прищурившись, смотрел на них.

Заметив его, они в нерешительности помялись у дверей. Тот, что был позади, беспокойно зашмыгал носом.

— Пойдём, землячок, — сказал наконец передний.

---

[7] Примечания: 7

Лампас — широкая цветная нашивка по наружному шву брюк.

Метелица, упрямо склонив голову, вышел наружу.

Через некоторое время стоял перед знакомым ему человеком — в чёрной папахе и в бурке — в той самой комнате, в которую засматривал ночью из поповского сада. Тут же, подтянувшись в кресле, удивлённо, нестрого поглядывая на Метелицу, сидел красивый полный офицер, которого Метелица принял вчера за начальника эскадрона. Теперь, рассмотрев обоих, он понял, что начальником был как раз не этот полный офицер, а другой — в бурке.

— Можете идти, — отрывисто сказал этот другой, взглянув на казаков, остановившихся у дверей.

Они, неловко подталкивая друг друга, выбрались из комнаты.

— Что ты делал вчера в саду? — быстро спросил начальник, остановившись перед Метелицей и глядя на него своим точным, немигающим взглядом.

Метелица молча, насмешливо уставился на него, выдерживая его взгляд, чуть пошевеливая атласными чёрными бровями и всем своим видом показывая, что он не скажет ничего.

— Ты брось эти глупости, — снова сказал на-

чальник, нисколько не сердясь и не повышая голоса.

— Что же говорить зря? — снисходительно улыбнулся Метелица.

Начальник эскадрона несколько секунд изучал его застывшее рябое лицо, вымазанное засохшей кровью.

— Что ж ты — здешний или прибыл откуда?

— Брось, ваше благородие!.. — решительно сказал Метелица, сжав кулаки и едва сдерживаясь, чтобы не броситься на него.

— Ого! — в первый раз изумлённо и громко воскликнул человек в бурке.

Он вынул из кобуры револьвер и потряс им перед носом Метелицы. Метелица, отвернувшись к окну, застыл в молчании.

После того, сколько ни грозили ему револьвером, сколько ни упрашивали правдиво рассказать обо всём, обещая полную свободу, он не произнёс ни одного слова, даже ни разу не посмотрел на спрашивающих.

В самом разгаре допроса легонько приоткрылась дверь, и чья-то волосатая голова с большими испуганными и глупыми глазами просунулась в комнату.

— Ага, — сказал начальник эскадрона, — собрались уже? Скажи ребятам, чтобы взяли этого молодца.

Те же два казака пропустили Метелицу во двор и, указав ему на открытую калитку, пошли вслед за ним. Метелица не оглядывался, но чувствовал, что оба офицера тоже идут позади.

Они вышли на церковную площадь. Там, возле бревенчатой избы, толпился народ, оцепленный конными казаками.

Метелица вскинул голову и оглядел эту колеблющуюся пёструю тихую толпу мужиков,

мальчишек, напуганных баб в панёвах,[8] девушек в цветных платочках, бойких верховых с чубами, таких раскрашенных, подтянутых и чистеньких, как на лубочной картинке.[9] Он прошёл сквозь толпу и остановился у избы. Офицеры, обогнав его, взошли на крыльцо.

— Сюда, сюда, — сказал начальник эскадрона, указав ему место рядом.

Метелица, разом перешагнув ступеньку, стал рядом с ним. Теперь он был хорошо виден всем — тугой и стройный, черноволосый, в мягких оленьих улах,[10] в расстёгнутой рубахе, перетянутой шнурком с густыми зелёными кистями, выпущенными из-под фуфайки.

— Кто знает этого человека? — спросил начальник, обводя всех острым, сверлящим взглядом, задерживаясь на секунду то на одном, то на другом лице.

И каждый, на ком останавливался этот взгляд, суетясь и мигая, опускал голову.

---

[8] Примечания: 8

Панёва — домотканая шерстяная юбка.

[9] Примечания: 9

Лубочная картинка — картинка, печатавшаяся с лубка (**лубок** — липовая доска, на которой вырезывалась картинка для печатания).

[10] Примечания: 10

Улы — мягкие кожаные сапоги.

— Никто не знает? — переспросил начальник. — Это мы сейчас выясним… Нечитайло! — крикнул он, сделав движение рукой в ту сторону, где на кауром жеребце гарцевал высокий офицер в длинной казачьей шинели.

Толпа глухо заволновалась. Стоящие впереди обернулись назад. Кто-то в чёрной жилетке решительно проталкивался сквозь толпу, наклонив голову так, что видна была только его тёплая меховая шапка.

— Пропустите, пропустите! — говорил он скороговоркой, расчищая дорогу одной рукой, а другой ведя кого-то вслед.

Наконец он пробрался к самому крыльцу, и все увидели, что ведёт он худенького черноголового парнишку в длинном пиджаке, боязливо упиравшегося и таращившего чёрные глаза то на Метелицу, то на начальника эскадрона. Толпа заволновалась, громче послышались вздохи и сдержанный бабий говорок. Метелица посмотрел вниз и вдруг признал в черноголовом парнишке того самого пастушонка, которому он оставил вчера свою лошадь.

Мужик, державший его за руку, снял шапку и, поклонившись начальнику, начал было:

— Вот тут пастушок у меня…

Но, видимо испугавшись, что не послушают его, он наклонился к парнишке и, указав пальцем на Метелицу, спросил:

— Этот, что ли?

В течение нескольких секунд пастушонок и Метелица смотрели прямо в глаза друг другу. Потом парнишка перевёл взгляд на начальника эскадрона, потом на мужика, державшего его за руку, вздохнул глубоко и отрицательно покачал головой.

Толпа, притихшая настолько, что слышно было, как возится телёнок в клети у церковного старосты, чуть колыхнулась и снова замерла.

— Да ты не бойся, дурачок, не бойся, — с ласковой дрожью убеждал мужик, быстро тыча пальцем в Метелицу. — Кто же тогда, как не он?.. Да ты признай, признай… А-а, гад!.. — со злобой оборвал он вдруг и изо всей силы дёрнул парнишку за руку. — Да он, ваше благородие, кому же другому быть? Только боится парень, а кому ж другому, когда в седле конь-то и кобура в сумке… Наехал вечор на огонёк. «Попаси, говорит, коня моего», а сам в деревню. А парнишка-то не дождал — светло уж стало, не дождал, да и пригнал коня, а конь в седле, и кобура в сумке. Кому же другому быть?

— Кто наехал? Какая кобура? — спросил начальник.

Мужик ещё растерянней засучил шапкой и вновь, сбиваясь и путаясь, рассказал о том, как его пастух пригнал утром чужого коня в седле и с револьверной кобурой в сумке.

— Вот оно что, — протянул начальник эскадрона. — Так ведь он не признаёт? — сказал он, кивнув на парнишку. — Впрочем, давай его сюда — мы его допросим по-своему.

Парнишка, подталкиваемый сзади, приблизился к крыльцу, не решаясь, однако, взойти на него.

Офицер сбежал по ступенькам, схватил его за худые вздрагивающие плечи и, притянув к себе, уставился в его круглые от ужаса глаза своими — пронзительными и страшными.

— А-а… а! — вдруг завопил парнишка, закатив белки.

— Да что ж это будет? — вздохнула, не выдержав, какая-то из баб.

В то же мгновение чьё-то стремительное и гибкое тело взметнулось с крыльца.

Толпа шарахнулась, всплеснув многоруким туловом, — начальник эскадрона упал, сбитый сильным толчком…

— Стреляйте в него!.. Да что же это такое? — закричал красивый офицер, беспомощно выставив ладонь, забыв, как видно, что он сам умеет стрелять.

Несколько верховых ринулись в толпу, конями раскидывая людей.

Метелица, навалившись на врага всем телом, старался схватить его за горло, но тот извивался, раскинув бурку, похожую на чёрные крылья, и судорожно цепляясь рукой за пояс, стараясь вытащить револьвер. Наконец ему удалось отстегнуть кобуру, и в то же мгновение, как Метелица схватил его за горло, он выстрелил в него несколько раз подряд.

Когда подоспевшие казаки тащили Метелицу за ноги, он ещё цеплялся за траву, стараясь поднять голову, но она бессильно падала и волочилась по земле.

— Нечитайло! — кричал красивый офицер. — Собрать эскадрон!.. Вы тоже поедете? — спросил он начальника. — Лошадь командиру!

Через полчаса казачий эскадрон в полном боевом снаряжении выехал из села и помчался кверху, по той дороге, по которой прошлой ночью ехал Метелица.

5

Бакланов, вместе со всеми испытывавший сильное беспокойство, наконец не выдержал.

— Слушай, дай я вперёд проеду, — сказал он Левинсону. — Ведь чёрт его знает, на самом деле!

Он пришпорил коня и скорее даже, чем ожидал, выехал на опушку, к заросшему омшанику. Ему не понадобилось, однако, влезать на крышу: не дальше как в полуверсте спускалось с бугра человек пятьдесят конных.

Бакланов задержался, спрятавшись в кусты, желая проверить, не покажутся ли из-за бугра новые отряды.

Никто не появился больше; эскадрон ехал шагом, расстроив ряды; судя по сбитой посадке людей и по тому, как мотали головами разыгравшиеся лошади, эскадрон только что шёл на рысях.

Бакланов повернул обратно и чуть не налетел на Левинсона, выезжавшего на опушку. Он сделал знак остановиться.

— Много? — спросил Левинсон, выслушав его.

— Человек пятьдесят.

— Пехота?

— Нет, конные…

— Кубрак, Дубов, спешиться! — тихо скомандовал Левинсон. — Кубрак — на правый фланг. Дубов — на левый…

Передав Бакланову командование взводом Метелицы и приказав ему остаться здесь, он спешился сам и пошёл впереди цепи, чуть ковыляя и размахивая маузером. Не выходя из кустов, он положил цепь, а сам в сопровождении одного партизана пробрался к омшанику.

Эскадрон был совсем близко.

По жёлтым околышам и лампасам Левинсон узнал, что это были казаки. Он разглядел и командира в чёрной бурке.

— Скажи, пусть сюда ползут, — шепнул он партизану, — только пусть не встают, а то… Ну, чего смотришь? Живо!.. — И он подтолкнул его, нахмурив брови.

Эскадрон был уже так близко, что слышен был конский топот и сдержанный говор всадников; можно было различить даже отдельные лица.

Левинсон видел их выражения, особенно у одного, красивого и полного офицера, только что

выехавшего вперёд с трубкой в зубах и очень плохо державшегося в седле.

— Взво-оод!.. — закричал Левинсон вдруг тонким, протяжным голосом. — Пли!..

Красивый офицер, услыхав первые звуки его голоса, удивлённо поднял голову.

Но в ту же секунду фуражка слетела с его головы, и лицо его приняло невероятно испуганное и беспомощное выражение.

— Пли!.. — снова крикнул Левинсон и выстрелил сам, стараясь попасть в красивого офицера.

Эскадрон смешался; многие, в том числе и красивый офицер, попадали на землю. В течение нескольких секунд растерявшиеся люди и лошади, вздымавшиеся на дыбы, бились на одном месте, крича что-то, неслышное из-за выстрелов. Потом из этой сумятицы вырвался отдельный всадник, в чёрной папахе и в бурке, и заплясал перед эскадроном, сдерживая лошадь, размахивая шашкой. Остальные, как видно, плохо повиновались ему — некоторые уже мчались прочь, нахлёстывая лошадей; весь эскадрон ринулся за ними.

Партизаны повскакали с мест, наиболее азартные побежали вдогонку, стреляя на ходу.

— Лошадей! — кричал Левинсон. — Бакланов,

сюда! По коням!..

Бакланов пронёсся мимо, откинув понизу руку с шашкой, блестевшей, как слюда; за ним с лязгом и гиком мчался взвод Метелицы…

Когда бой был кончен и казачий эскадрон, теряя людей и коней, скрылся в берёзовой роще, партизаны отыскали своего разведчика. Казаки кинули его в переулке за большой избой, под изгородью. Метелица лежал на боку, и волосы его перепутались с осенней блёклой травой.

Первым прискакал в село взвод Метелицы. Люди спешились, плотно обступили тело своего командира, а Бакланов, став на колени, бережно приподнял с земли черноволосую голову взводного.

— Ну, что? — спросил подъехавший Левинсон.

— Не дышит… — тихо ответил Бакланов, не подымаясь с земли.

В это время в толпе партизан показался пастушонок. Он пробирался сквозь ряды, ведя за собой коня Метелицы.

Люди расступились, пропустили их вперед.

— Вот он, конь-то его, — сказал мальчишка. — Покарауль, говорит… А сам не пришел больше… Ваш конь, берите…

Сашко
(отрывок из романа «Молодая гвардия»)

Это была последняя деревня, где Катя могла рассчитывать на помощь своих людей, — дальше нужно было пробираться, надеясь только

на себя. Деревушка была расположена позади выдвинутых на восток высотных укреплений, представлявших только часть наскоро созданной здесь немцами оборонительной линии. Наиболее удобные дома, как сказал Кате Иван Фёдорович, были заняты офицерами и штабами небольших подразделений, занимавших укреплённые пункты.

Иван Фёдорович предупреждал жену, что положение её может усложниться, если к её приходу деревня окажется забитой частями, вышибленными с немецкого оборонительного рубежа по речке Камышной. Речка эта, впадавшая в реку Деркул, приток Донца, текла с севера на юг, вблизи от границы Ростовской области, почти параллельно железной дороге Кантемировка — Миллерово. К одной из деревень, расположенных у речки Камышной, и должна была выйти Екатерина Павловна и там ждать наших.

Сквозь снежную паутинку Катя завидела силуэт ближней хаты, свернула с просёлка и пошла полем в обход деревни, не теряя из виду крыш. Ей сказали, что её хата третья по счёту. Становилось всё светлее. Катя подошла к малюсенькой хатке и прильнула к закрытому ставней окну. В хатке было тихо. Катя не постучала, а поскребла, как

её научили.

Долго никто не отвечал ей. Сердце её сильно билось. Через некоторое время из хатки тихо отозвался голос — голос подростка. Катя поскребла ещё раз. Маленькие ножки прошлёпали по земляному полу, дверь приоткрылась, и Катя вошла.

В хате было совершенно темно.

— Звидкиля вы? — тихо спросил детский голос.

Катя произнесла условную фразу.

— Мамо, чуете? — сказал мальчик.

— Тихо… — шёпотом отозвался женский голос. — Хиба ж ты разумиешь по-русски? То ж русская женщина, разве ты не слышишь?. Идить сюда, сидайте на кровать. Покажи, Сашко.

Мальчик захолодевшей рукой взял тёплую, разогревшуюся в рукавице руку Екатерины Павловны и повлёк Катю за собой.

— Обожди, я полушубок скину, — сказала она.

Но женская рука, протянутая навстречу, переняла Катину руку из руки подростка и потянула на себя:

— Сидайте так. У нас холодно. Вы немецких потрулив не бачили?

— Нет.

Екатерина Павловна сбросила торбу, сняла пла-

ток, встряхнула, потом расстегнула полушубок и, придерживая за полы, отрясла его на себе и только тогда села на кровать рядом с женщиной. Мальчик чуть слышно уселся с другого бока и — Катя не услышала, а почувствовала это материнским чутьём — прижался к матери, к её тёплому телу.

— Немцев много в деревне? — спрашивала Катя.

— Да не так чтобы много. Они теперь и не ночуют туточки, а больше там, у погребах.

— Погребах… — усмехнулся мальчик. — В блиндажах!

— А всё одно. Теперь кажуть, должно прийти подкрепление до них, будут здесь фронт держать.

— Скажите, вас Галиной Алексеевной зовут? — спросила Катя.

— Зовите Галей, я ещё не стара. Галя Корниенкова.

Так и говорили Кате, что она попадёт к Корниенкам.

— Вы к нашим идёте? — тихо спросил мальчик.

— К нашим. Пройти туда можно?

Мальчик помолчал, потом сказал с загадочным

выражением:

— Люди проходили…

— Давно?

Мальчик не ответил.

— А як мени звать вас? — спросила женщина.

— По документу — Вера…

— Вера так Вера, — люди здесь свои, поверят. А кто не поверит, ничего не скажет. Может, и есть такой дурной, кто выдал бы вас, да кто ж теперь насмелится? — со спокойной усмешкой сказала женщина. — Все знают, скоро наши придут. Разбирайтесь, ложитесь на кровать, а я вас накрою, чтобы было тепло. Мы с сыном у двоих спим, так нам тепло.

— Я вас согнала?! Нет, нет, — с живостью сказала Катя, — мне хоть на лавке, хоть на полу, всё равно я спать не буду.

— Заснёте. А нам всё одно вставать.

В хате действительно было очень холодно — чувствовалось, что она не топлена с начала зимы. Катя уже привыкла к тому, что хаты при немцах стоят нетопленные, а пищу — нехитрую похлёбку, или кашу, или картошку — жители готовят на скорую руку — на щепочках, на соломке.

Катя сняла полушубок, валенки и легла. Хозяйка накрыла её стёганым одеялом, а сверху

— полушубком. И Катя не заметила, как заснула.

Разбудил её страшный гулкий удар, который она во сне не столько услышала, сколько ощутила всем телом. Ещё ничего не понимая, она приподнялась на кровати, а в это мгновение ещё и ещё несколько ударов-взрывов наполнили своими мощными звуками и сотрясением воздуха весь окружающий мир. Катя услышала густой рёв моторов — самолёты пронеслись низко над деревней один за другим и сразу набрали высоту по немыслимой кривой. Катя не то что поняла, она просто расслышала по звуку, что это наши «илы».

— Наши! — воскликнула она.

— Да, то наши, — сдержанно сказал мальчик, сидевший на лавке у окна.

— Сашко, одягайся, одягайтесь и вы, Вера, чи як вас? Наши-то наши, а як дадут — не встанешь! — говорила Галя, стоявшая посреди хаты с полынным веником в руке.

Несмотря на холод в хате, Галя стояла на земляном полу босая, с обнажёнными руками, и мальчик тоже сидел раздетый.

— Ничего они не дадут, — сказал мальчик с сознанием своего превосходства над женщинами, — они по укреплениям бьют.

Он сидел, поджав под лавкой босые скрещён-

ные ножки, щуплый мальчик с серьёзными глазами взрослого человека.

— Наши «илы» — в такую погоду! — взволнованно говорила Катя.

— Ни, то с ночи залепило, — сказал мальчик, уловив её взгляд, брошенный на заиндевевшие окна. — Погода хорошая: солнца нема, а снег уже не идёт…

Привыкнув за свою жизнь учительницы иметь дело с подростками его возраста, Катя чувствовала, что мальчик интересуется ею и что ему очень хочется, чтобы она обратила на него внимание. В то же время мальчику настолько было присуще чувство собственного достоинства, что ни в жестах, ни в интонациях голоса он не допускал ничего такого, что могло бы быть воспринято как нескромность с его стороны.

Катя слышала яростную трель зенитных пулемётов где-то перед деревней. Как ни была она взволнована, она не могла не отметить, что немцы ещё не располагают здесь зенитной артиллерией. Это значило, что эта линия укреплений только теперь внезапно приобрела значение важной линии обороны.

— Скорей бы уж наши приходили! — говорила Галя. — У нас и погреба нема. Когда наши отступа-

ли, мы от немецких самолётов к соседям в погреб бегали, а не то прямо в поле — ляжем в бурьян или в межу, уши затискнем и ждём…

Новые бомбовые удары — один, другой, третий — потрясли хатёнку, и снова наши самолёты с рёвом пронеслись над деревней и взмыли ввысь.

— Ой, родненькие ж вы мои! — воскликнула Галя и, присев на корточки, закрыла уши ладонями.

Эта женщина, присевшая на корточки при звуке самолётов, была хозяйкой главной квартиры партизан этого района. Через квартиру Гали Корниенко шёл главный поток бежавших из плена или выходивших из окружения солдат Красной Армии. Катя знала, что муж Гали погиб в самом начале войны и что двое малых ребят её умерли от дизентерии во время оккупации. Было что-то очень наивное и очень человеческое в этом невольном движении Гали: стать пониже, укрыться от опасности, хотя бы заткнув уши, чтобы не слышать. Катя кинулась к Гале и обняла её.

— Не бойтесь, не бойтесь!.. — воскликнула Катя с чувством.

— А я и не боюсь, да вроде бабе так полагается… — Галя подняла к ней спокойное лицо в

тёмных родинках и засмеялась.

В этой хатёнке Екатерина Павловна провела весь день. Понадобилась вся её выдержка, чтобы дотянуть до темноты, — так хотелось поскорее выйти навстречу нашим. Весь день наши «илы», сопровождаемые истребителями, обрабатывали укрепления перед деревней. «Илов» было немного — судя по всему, две тройки. Они делали по два-три захода, а отбомбившись уходили на зарядку, заправку и возвращались снова. Так они работали с того самого утреннего часа, как разбудили Катю, до наступления темноты.

Весь день над деревней развёртывались воздушные бои между нашими истребителями и «мессерами», Иногда слышно было, как проходили с гудением, очень высоко, советские бомбардировщики — на какие-то дальние рубежи обороны немцев. Должно быть, они бомбили укрепления по реке Деркулу, впадавшей в Донец возле базы Митякинского отряда, где в глиняной пещере, заваленный, стоял «газик» Ивана Фёдоровича.

Несколько раз в течение дня проносились немецкие штурмовики и сбрасывали бомбы где-то недалеко — возможно, за речкой Камышной. Оттуда всё время доносился гул тяжёлой

артиллерии.

Однажды беспорядочная артиллерийская стрельба возникла в ближней полосе за немецкими укреплениями, куда лежал теперь путь Екатерины Павловны. Стрельба возникла будто издалека, а потом приблизилась и где-то уже совсем близко, достигнув своего апогея, внезапно стихла. К вечеру она вновь разгорелась, эта стрельба, — снаряды рвались перед самой деревней. В течение нескольких минут немецкие пушки били в ответ, били так часто, что в хате невозможно было разговаривать.

Екатерина Павловна и Галя многозначительно переглядывались. И только маленький Сашко всё смотрел перед собой с загадочным выражением.

Эти бои в воздухе и артиллерийская стрельба заставили жителей попрятаться по хатам и погребам и избавили Екатерину Павловну от посетителей. А немецкие солдаты были, видно, поглощены своим прямым делом. Казалось, что деревня пуста и только в одной этой хатёнке живут они трое — две женщины и мальчик.

Чем меньше оставалось времени до той решающей, а может быть, и роковой минуты, когда Катя должна была выступить, тем трудней ей было владеть собой. Она выспрашивала у Гали

подробности предстоящего ей пути и сможет ли кто-нибудь показать ей дорогу, а Галя только говорила:

— Не тревожьте себя, отдыхайте. Успеете ещё потревожиться.

Должно быть, Галя сама ничего не знала и просто жалела её, и это только усиливало волнение Кати. Но если бы кто-нибудь посторонний зашёл сейчас в хату и заговорил с Катей, он никогда бы не догадался о её переживаниях.

Сумерки сгустились, и «илы» закончили последний свой хоровод, и смолкли зенитные пулемёты. Всё стихло вокруг, и только в дальнем огромном пространстве всё ещё продолжалась своя непонятная трудовая, боевая жизнь-страда. Маленький Сашко спустил свои скрещённые под лавкой ноги в валенках, которые он всё-таки обул днём, подошёл к двери и молча стал напяливать на себя залатанный кожушок — когда-то белой, а теперь грязной кожи.

— Пора вам, Верочка, — сказала Галя, — в самый теперь раз. Они, черти, лягут теперь трошки отдыхать. А из своих может зайти теперь кто-нибудь до нас — лучше будет, чтобы они вас не видели.

В сумерках трудно было различить выражение

её лица, голос её звучал глухо.

— Куда мальчик собирается? — спросила Катя с возникшим в ней смутным тревожным чувством.

— Ничего, ничего, — торопливо сказала Галя. Она порывисто забегала по хате, помогая одеться Кате и сыну.

На мгновение взгляд Кати с материнским выражением остановился на бледном личике Сашко. Так вот кто был тот знаменитый проводник, который на протяжении пяти месяцев оккупации проводил через всю глубину вражеских укреплений — проводил и одиночками, и группами, и целыми отрядами — сотни, а может, и тысячи наших людей! А мальчик уже не глядел в сторону Кати. Он напяливал свой кожушок и всеми своими движениями как бы говорил: «Много было у тебя времени поглядеть на меня, да ты не догадалась, а теперь ты лучше мне не мешай».

— Вы трохи обождите, а я выйду покараулю и вам скажу. — Галя помогла Екатерине Павловне просунуть негнущиеся в рукавах полушубка руки за лямки и оправила торбу на её спине. — Давайте ж простимся, бо не буде часа. Дай бог вам всего наисчастливого.

Они поцеловались, и Галя вышла из хаты. Катя

уже не удивлялась, что мать не приласкала сына, даже не простилась с ним, — теперь Катя уже ничему не удивлялась. Она понимала, что слова «они привыкли» здесь неприменимы. Сама она, Катя, не удержалась и зацеловала, затискала бы своего мальчика, если бы судьба судила провожать его на такое смертельно опасное дело. Но Катя не могла не согласиться с тем, что Галя поступает более правильно. И, должно быть, если бы Галя поступила иначе, маленький Сашко уклонился бы от её ласки, даже принял бы враждебно её ласку, потому что материнская ласка могла теперь только размягчить его.

Кате было неловко наедине с Сашко. Она чувствовала, что всё, что она скажет, прозвучит фальшиво. Но всё-таки не выдержала и сказала очень деловым тоном:

— Ты не ходи далеко, а только покажи мне, где пройти между этими укреплениями. Дальше я дорогу знаю.

Сашко молчал и не глядел на неё. В это время Галя приоткрыла дверь и сказала шёпотом:

— Идить, нема никого.

Стояла пасмурная, тихая, не очень холодная и не тёмная ночь — должно быть, месяц стоял за плёнкой зимнего тумана, да и снег светлил.

Сашко — не в шапке, а в очень поношенном и великоватом ему мятом картузе, без рукавиц, в валенках — пошёл, не оглядываясь, прямо в поле. Должно быть, он хорошо знал, что мать не подведёт: сказала «нема никого» — значит, никого и нема.

Перемежающаяся линия холмов, через которую они должны были пройти, тянувшаяся с севера на юг, была водоразделом между рекой Деркулом и её притоком Камышной. Деревня лежала в низинке между двух чуть возвышавшихся отрожков, уходивших в степь в сторону Деркула, постепенно понижавшихся и сливавшихся со степью. Сашко шёл прямо по полю в сторону от деревни, чтобы пересечь один из этих отрожков. Катя поняла, почему Сашко взял это направление: как ни мало возвышался над степью отрожек, — когда они перевалили его, их уже нельзя было видеть из деревни. Перейдя на другую сторону отрожка, Сашко свернул вдоль него на восток. Теперь они шли перпендикулярно к линии холмов с немецкими укреплениями.

С того момента, как они вышли, Сашко ни разу не оглянулся, идёт ли за ним его спутница. Она покорно шла за ним. Они шли теперь по выступившей из неглубокого снега редкой стерне

— низинкой, такой же, как и та, где расположена была деревня. Как и в прошлую ночь, явственно доносилась возня отступавших немецких войск по грейдерным дорогам, где-то севернее и южнее. Говор орудий стал реже, и громче, и больше на юго-востоке, под Миллеровом. Где-то очень далеко, должно быть над речкой Камышной, подвисали лампы немецких осветительных бомб. Это было так далеко, что мертвенный свет их был только виден отсюда, но не рассеивал полутьмы. Если бы такую лампу подвесили бы над одной из высоток впереди, Сашко и Катя стали бы видны здесь как на ладони.

Мягкий снег бесшумно сдавал под ногами, слышно было только, как шуршат по стерне валенки. Потом стерня кончилась. Сашко оглянулся, сделал рукой знак подойти. Когда Катя приблизилась к нему, он присел на корточки и показал, что она должна сделать то же. Она просто села на снег в своём полушубке. Сашко быстро указал пальцем на неё и на себя и провёл по снегу черту направлением на восток. Кисти рук его были скрыты рукавами кожушка, он выпростал их и быстро нагрёб острую грядку из снега поперёк только что проведённой им линии. Катя поняла, что он начертил линию их пути и

препятствие, которое им предстояло преодолеть. Потом он убрал жменьку снега из грядки в одном месте и жменьку в другом, сделав как бы два прохода в грядке, отметил костяшками пальцев пункты укреплений по обеим сторонам проходов и провёл линию сначала через один проход, потом через другой. Катя поняла, что он показывает две возможности их пути.

Катя усмехнулась, вспомнив суворовское изречение: каждый солдат должен понимать свой манёвр. В глазах этого Десятилетнего Суворова она, Катя, была его единственным солдатом. Она кивнула головой, что поняла «свой манёвр», и они пошли.

Они совершали теперь обходное движение в северо-восточном направлении. Так дошли они до густой повители колючей проволоки. Сашко сделал знак, чтобы Катя легла, а сам пошёл вдоль проволоки. Вскоре его не стало видно.

Перед Катей тянулась линия проволочных заграждений примерно рядов в двенадцать. Линия была старая, проволока уже заржавела, — Катя даже пощупала её. Здесь не было никаких следов работы «илов». Должно быть, эту линию заграждения немцы вывели против партизан: она защищала холм с тыла и расположена была

далеко от главных укреплений.

Давно уже не испытывала Катя такой муки ожидания. Время шло, а Сашко всё не было. Прошёл час, другой, а мальчик всё не возвращался. Но почему-то Катя не волновалась за него: это был мальчик-воин, на которого можно было положиться.

Она так долго лежала без движения, что её начал пробирать озноб. Она ворочалась с боку на бок, наконец не выдержала и села. Нет, пусть маленький Суворов осудит её, но если уж он оставил её так надолго, она попробует хотя бы разобраться в местности. Если мальчик пошёл, а не пополз, то она тоже может немножко походить согнувшись.

Едва она отошла шагов пятьдесят, как вдруг увидела нечто такое, отчего её в дрожь бросило от радостной неожиданности. Перед ней была неровная воронка от свежеразорвавшегося снаряда. Снаряд разорвался совсем недавно, вывернув чёрную землю и разбрызгав её по снегу. Это была воронка именно от снаряда, а не от бомбы, сброшенной с самолёта. Это сразу можно было понять по тому, как легла вывороченная земля — больше на одну сторону, как раз на ту сторону, откуда пришли Сашко и Катя. И, видно, Сашко тоже обра-

тил внимание на это: он обошёл воронку, прежде чем идти дальше, — так показывали следы.

Катя блуждала взором по снегу, ища других воронок, их не было — во всяком случае, в непосредственной близости от Кати. Непередаваемое, совсем особого рода волнение овладело ею: это могла быть воронка только от нашего снаряда. Но это не была воронка от снаряда дальнобойной тяжёлой артиллерии, это был выброс земли, произведённый снарядом орудия среднего калибра, — наши стреляли не с такого уж дальнего расстояния. Должно быть, это был след — один из следов той ожесточённой артиллерийской стрельбы, что слышали они втроём в Галиной хатёнке перед вечером.

Наши близко! Они — рядом! Какими словами передать чувство этой женщины, пять месяцев проведшей вдали от детей своих, в борьбе непрестанной, страшной, с непокидающей мечтою о той минуте, когда окроплённый кровью Человек в шинели вступит на поруганную врагом родную землю и раскроет свои братские объятия? С какой силой рванулась измученная душа её к нему, к Человеку, который был ей в эту минуту ближе, чем муж или брат!

Она услышала мягкий звук валенок по снегу,

и Сашко подошёл к ней. В первое мгновение она даже не обратила внимания на то, что его кожушок спереди, и колени, и валенки не в снегу, а в земле, — мальчик шёл, сунув руки в рукава, должно быть ему пришлось долго ползти, и он замёрз. С жадностью вперила она взор свой в его лицо — что же несёт он ей? Но лицо мальчика под этим большим, опустившимся на уши картузом было бестрепетно. Он только выпростал из рукавов кисти рук и сделал жест отрицания: «Здесь пройти нельзя».

Жест этот сразил её. Мальчик посмотрел на воронку, а потом на Екатерину Павловну, глаза их встретились, и мальчик вдруг улыбнулся. Должно быть, вид этой воронки раньше произвёл на него такое же впечатление, как теперь на неё. Он понял всё, что происходит с Екатериной Павловной, и улыбка его сказала: «Ничего, что здесь пройти нельзя, мы пройдём в другом месте».

Их отношения вступили в новую фазу — они поняли друг друга. Они по-прежнему не говорили ни слова, но они подружились.

Она представила себе, как он там ползал, упираясь в мёрзлую землю голыми тонкими руками. Но мальчик не дал себе отдохнуть ни единой минуты. Он поманил Катю за собой и пошёл в обратном направлении по их старому следу.

Трудно было бы определить чувство, какое Катя испытывала к этому мальчику. Это было чувство товарищества, чувство доверия, подчинения, уважения. В то же время это было чувство материнства. Это были все эти чувства, слитые вместе.

Она не стала расспрашивать, что помешало им пройти здесь. Она ни на мгновение не усомнилась в том, что он повернул не домой, а ведёт её обходным путём ко второму проходу через укреп-

ления. Она не предложила ему своих рукавиц, согреть руки, потому что знала — он не возьмёт.

Через некоторое время они опять свернули на север, потом на северо-восток и опять вышли к проволочным заграждениям, опоясывавшим основание уже другого холма. Сашко ушёл, а Катя опять ждала и ждала его. Наконец он появился, ещё больше вымазавшийся в земле, с этим напущенным на уши картузом и засунутыми в рукава кистями рук. Катя поджидала его, сидя на снегу. Он приблизил своё лицо к её лицу, подмигнул ей одним глазом и улыбнулся.

Она всё-таки предложила ему свои рукавицы, но он отказался.

То, что ей представилось наиболее трудным, оказалось на деле, как это часто бывает в жизни, даже не лёгким, а незаметным. Да, она просто не заметила, как они прошли между двумя укреплёнными пунктами. Это было самое простое из всего, что ей пришлось пережить за этот поход. И только потом она поняла, почему это было так просто. Она даже не могла вспомнить, долго ли они шли, а потом — ползли. Она помнила только, что вся эта местность была вывернута наизнанку в результате дневной работы «илов», и помнила она это потому, что её полушубок, валенки и ру-

кавицы, когда Сашко и Катя вышли в поле, были тоже запачканы землёй, как у Сашко.

Потом они ещё довольно долго шли по этому обширному мелкохолмистому полю, по чистому снегу. Наконец Сашко остановился и обернулся, поджидая Катю.

— Дорога ось де буде. Бачишь чи ни? — шёпотом сказал он и вытянул руку.

Он показывал ей, как выйти на просёлок, связывавший деревню, из которой они вышли, с хутором, через который лежал её дальнейший путь. Теперь она попала в ту полосу, где, по карте Ивана Фёдоровича, было мало немецких укреплённых пунктов, но где в связи со стремительным отступлением немцев должна была царить, по выражению Ивана Фёдоровича, страшная мешанина. Отступающие разрозненные части могли возводить в этой полосе временные укрепления и вести арьергардные бои. В любом месте можно было наткнуться на отступающие немецкие подразделения или на случайно отбившихся солдат. И любой из населённых пунктов мог неожиданно оказаться на переднем крае немецкой обороны. Этот участок пути Иван Фёдорович считал наиболее опасным.

Однако, если не считать всё той же возни от-

ступающих частей по грейдерным дорогам и продолжающейся канонады на юго-востоке, под Миллеровом, ничто здесь не указывало на обстановку, обрисованную Иваном Фёдоровичем.

— Счастливо вам, — сказал Сашко, опустив руку.

Вот тут материнской чувство к нему возобладало над всеми остальными. Ей захотелось подхватить его на руки, прижать к сердцу и держать так долго-долго, укрыв от всего света. Но, конечно, это могло вконец испортить их отношения.

— Прощай. Спасибо тебе. — Она сняла рукавицу и подала ему руку.

— Счастливо, — снова повторил он.

— Да, забыла, — сказала Катя с лёгкой улыбкой. — Почему тем проходом нельзя было пройти?

Сашко сурово потупился:

— Фрицы хоронили своих. Большу-у-ую яму выкопали!

И жёсткая, недетская улыбка появилась на лице его.

Некоторое время Катя шла, оглядываясь, чтобы подольше не выпускать мальчика из виду. Но Сашко ни разу не оглянулся и скоро исчез во

тьме.

И тут случилось самое сильное потрясение, которое на всю жизнь осталось в её памяти. Катя прошла не более двухсот метров, и по её ощущениям она должна была уже вот-вот выйти на дорогу. Как вдруг, поднявшись на бугор, она прямо перед собой увидела стоящий за бугром громадный танк с устремлённым наискось её пути длинным стволом орудия. Странное, тёмное, увенчанное чем-то шарообразным сооружение на башне танка, прежде всего бросившееся ей в глаза, вдруг зашевелилось и оказалось, стоящим в открытом люке танкистом в ребристом шлеме.

Танкист так быстро направил на Катю автомат, что казалось, будто он уже поджидал её с наведённым автоматом, и сказал очень спокойно:

— Стоять!

Он сказал это тихо и одновременно громко, сказал повелительно и в то же время вежливо, поскольку имел дело с женщиной. Но главное — он сказал это на чистом русском языке.

Катя уже ничего не была в силах ответить, и слёзы хлынули у неё из глаз.

* * *

Танки, к которым вышла Екатерина Павловна, — их было два, но второго, стоявшего по ту сторону дороги, тоже за бугром, она в первое мгновение не заметила, — представляли собой головной дозор передового танкового отряда. А танкист, остановивший её, был командир танка и командир головного дозора, о чём, впрочем, нельзя было догадаться, так как офицер был в обычном комбинезоне. Всё это Катя узнала позднее.

Командир приказал ей спуститься, выпрыгнул из танка, а за ним выпрыгнул танкист. Пока командир выяснял её личность, она рассматривала его лицо. Командир был совсем ещё молод. Он был смертельно утомлён и, видно, так давно не спал, что веки сами собой опускались на глаза его, он подымал эти набухшие веки с видимым трудом.

Катя объяснила ему, кто она и зачем идёт. Выражение лица у офицера было такое, что всё, о чём она говорит, может быть и правдой, а может быть и неправдой. Но Катя не замечала этого выражения, а только видела перед собой его молодое, смертельно усталое лицо с набухшими веками, и

слёзы снова и снова навёртывались ей на глаза.

Из темноты по дороге вынырнул мотоциклист, застопорил у танка и спросил обыкновенным голосом:

— Что случилось?

По характеру вопроса Катя поняла, что мотоциклист вызван из-за неё. За пять месяцев работы в тылу врага у неё выработалась привычка подмечать такие мелочи, которым в обычное время люди не придают значения. Даже если бы из танка радировали на тот пункт, где находился мотоциклист, он не мог бы прибыть так скоро. Каким же способом он был вызван?

В это время подошёл командир другого танка, бегло взглянул на Катю, и двое командиров и мотоциклист, отойдя в сторону, некоторое время поговорили между собой. Мотоциклист умчался во тьму.

Командиры подошли к Кате, и старший с некоторым смущением спросил, есть ли у неё документы. Катя сказала, что документы она вправе предъявить только высшему командованию.

Некоторое время они постояли молча, потом второй командир, ещё более молодой, чем первый, спросил баском:

— В каком месте вы прошли? Укреплены они

здорово?

Катя передала всё, что знала об укреплениях, и объяснила, как прошла сквозь них с мальчиком десяти лет. Она рассказала и о том, как немцы хоронили своих и как она видела воронку от нашего снаряда.

— Ага! Вон где один приложился! Видал? — воскликнул второй командир, взглянув на старшего с детской улыбкой.

Только теперь Катя поняла, что артиллерийская стрельба, то приближавшаяся, то стихавшая, которую она слышала днём, а потом перед наступлением темноты в хате у Гали, это была стрельба наших головных танков, прощупывавших укрепления противника.

С этой минуты отношения с командирами у Кати установились более дружеские. Она даже осмелилась спросить у командира головного дозора, каким способом он вызвал мотоциклиста, и командир объяснил ей, что мотоциклист был вызван световым сигналом — включением лампочки в кормовой части танка.

Пока они так беседовали, примчался мотоциклист с коляской. Мотоциклист даже откозырял Кате — чувствовалось, что он относится к ней уже не только как к своему человеку, а и как к

человеку важному.

С того момента, как она села в коляску, Катей овладело совершенно новое чувство, которое она продолжала испытывать и ещё несколько дней после того, как попала к своим. Она догадывалась, что попала всего лишь в танковое подразделение, вырвавшееся вперёд на территорию, где ещё господствует противник. Но она уже не придавала силам противника никакого значения. И противник, и вся та жизнь, какой она, Катя, жила эти пять месяцев, и трудности её пути — всё это не только осталось позади, всё это вдруг далеко-далеко отодвинулось в её сознании.

Великий моральный рубеж отделил её от всего того, что только что её окружало. Мир людей с такими же, как у неё, чувствами, переживаниями, характером мышления и взглядом на жизнь обнимал её. И он был так огромен, этот мир, что по сравнению с тем миром, где она жила до сих пор, он казался просто бесконечным. Она могла ехать на этом мотоцикле ещё день и ещё год, и всюду был бы он, этот свой мир, где не нужно таиться, лгать, делать неестественные моральные и физические усилия. Катя снова стала сама собой — и навсегда.

Морозный ветер обжигал ей лицо, а в душе у неё

было такое чувство, что она могла бы запеть…

…К середине дня, который был бы уже совсем ясным, если бы не растворявшиеся в туманных испарениях дымы пожаров, Катя прибыла в штаб гвардейского танкового корпуса. Это опять-таки был не штаб, а временный командный пункт командира корпуса, разместившийся в случайно уцелевшем каменном железнодорожном здании одной из станций севернее Миллерова. Станционный посёлок был разнесён в щепки. Но, как и во всех только что освобождённых пунктах, здесь прежде всего бросалось в глаза поразительное сочетание продолжающейся боевой страды с уже налаживающейся советской гражданской жизнью.

Первым, кого увидела Катя среди военных на командном пункте, был человек, сразу вызвавший в её памяти мирную жизнь, и Ивана Фёдоровича, и всю их семью, и её, Катин, труд учительницы, а потом скромной деятельницы народного образования.

— Андрей Ефимович! Милый вы мой!. — С этим невольным криком она кинулась к этому человеку и обняла его.

Это был один из руководителей украинского штаба партизан, который более пяти месяцев

тому назад инструктировал Ивана Фёдоровича перед его уходом в подполье.

— Обнимайте тогда всех! — сказал худой моложавый генерал, глядя на неё твёрдыми серыми умными глазами в длинных ресницах.

Катя увидела загорелое, жёсткое лицо генерала, аккуратно подбритые, чуть начавшие седеть виски и вдруг смутилась, закрыла лицо руками и склонила голову в тёплом тёмном крестьянском платке. Так она и стояла в полушубке и валенках среди этих подтянутых военных, закрыв лицо руками.

— Ну вот, смутили женщину! Обращения не знаете! — с улыбкой сказал Андрей Ефимович.

Офицеры засмеялись.

— Простите… — Генерал чуть дотронулся своей тонкой рукой до её плеча.

Она отняла руки от лица, глаза её сияли.

— Ничего, ничего, — говорила она.

Генерал уже помогал ей снять полушубок.

Как и большинство современных командиров, командир корпуса был ещё молод для своей должности, для своего звания. Несмотря на обстановку, в которой он сейчас находился, он был как-то не подчёркнуто, а естественно спокоен, точен в движениях и аккуратен, деловит, полон сдержанного грубоватого юмора и в то же время вежлив. И на всех военных людях, окружавших его, лежала печать такого же спокойствия, деловитости, вежливости и какой-то общей опрятности.

Пока расшифровывали донесение Ивана Фёдоровича, генерал аккуратно выложил поверх лежащей на столе большой военной карты листок папиросной бумаги с мелко вычерченной картой области, как это делал на глазах у Кати Иван Фёдорович. (Трудно было представить себе, что это было всего лишь позапрошлой ночью!) Генерал разгладил листок тонкими пальцами и сказал с видимым удовольствием:

— Вот это работа, я понимаю!.. Чёрт возьми! — вдруг воскликнул он. — Они опять укрепляют Миус. Обратите внимание, Андрей Ефимович…

Андрей Ефимович склонился к карте, и на сильном лице его явственнее обозначились мелкие морщинки, старившие Андрея Ефимовича. Другие военные тоже приблизили свои лица к

маленькому листочку папиросной бумаги поверх военной карты.

— Нам-то уж не придётся иметь с ними дело на Миусе. Но вы знаете, что это значит? — сказал генерал, вскинув на Андрея Ефимовича весёлый взгляд из-под длинных своих ресниц. — Они не так уж глупы: им теперь действительно придётся уходить с Северного Кавказа и с Кубани!

Генерал засмеялся, а Катя покраснела — настолько слова генерала совпадали с предположениями Ивана Фёдоровича.

— А теперь посмотрим, что здесь нового для нас. — Генерал взял лежавшую поверх военной карты большую лупу и стал рассматривать значки и кружочки, расставленные точной рукой Ивана Фёдоровича на листке папиросной бумаги. — Это известно, это известно… так… так… — Он разбирал смысл значков Ивана Фёдоровича без объяснительной записки, которая ещё не была расшифрована. — Что ж, значит, наш Василий Прохорович не так уж плох, а ты всё — «разведка плоха, разведка плоха»! — с тонко скрытой иронией сказал генерал стоявшему рядом с ним массивному полковнику с чёрными усами, начальнику штаба корпуса.

Очень низенького роста, полный, лысый

военный, с лицом, лишённым бровей, с непередаваемой хитрецой в светлых живых глазах, предупредил ответ полковника.

— Эти сведения, товарищ командир корпуса, у нас из того же источника, — сказал он без смущения.

Это и был Василий Прохорович, начальник разведки штаба корпуса.

— О-о, а я думал, вы это сами узнали! — разочарованно сказал генерал.

Офицеры засмеялись. Но Василий Прохорович не придал значения ни насмешливому замечанию командира корпуса, ни смеху своих товарищей-сослуживцев — как видно, он привык к этому.

— Нет, вы обратите внимание, товарищ генерал, вот на эти данные, вот здесь, перед Деркулом. А ведь они отстают! Мы уже знаем здесь побольше, — спокойно сказал он.

Катя почувствовала, что реплика Василия Прохоровича как бы снижает значение сведений, собранных Иваном Фёдоровичем, сведений, ради которых она, Катя, проделала весь этот путь.

— Товарищ, который передал мне эти сведения, — сказала она резким голосом, — товарищ этот просил предупредить: все новые данные,

связанные с отступлением противника, он будет передавать, и, я думаю, он их уже передаёт. А эта карта вместе с пояснениями к ней даёт общую картину положения в области.

— Верно, — сказал генерал. — Она больше нужна товарищу Ватутину и товарищу Хрущёву. Мы им её и перешлём. А сами воспользуемся только тем, что нас касается.

Уже только поздней ночью Екатерина Павловна дождалась возможности поговорить по душам с Андреем Ефимовичем.

Они не сидели, а стояли в пустой, но натопленной комнате при свете трофейных немецких плошек, и Катя спрашивала:

— Как же вы попали сюда, Андрей Ефимович, милый?

— А чему вы удивляетесь? Ведь мы вступили на территорию Украины. Хоть она ещё мала, да наша! Правительство возвращается на родную землю и наводит советские порядки. — Андрей Ефимович усмехнулся, и его мужественное лицо в мелких морщинках сразу помолодело. — Войска наши, как вам известно, вступили во взаимодействие с украинскими партизанами. Как же без нас тут обойтись? — Он сверху вниз глядел на Катю, глаза его лучились. Но вдруг лицо его снова

стало серьёзным. — Хотел дать вам отдохнуть, а уж завтра поговорить о деле. Да ведь вы человек мужественный! — Он немного смутился, но глаза его прямо глядели в глаза Кати. — Ведь мы хотим вас направить обратно. Нам нужно узнать многое такое, что только вы сможете узнать. — Он помолчал, потом сказал тихо и вопросительно: — Конечно, если вы очень измотались.

Но Катя не дала ему договорить. Сердце её преисполнено было чувства гордости и благодарности.

— Спасибо, — едва выговорила она. — Андрей Ефимович, спасибо!. И больше ничего мне не говорите. Вы не могли бы сказать ничего, что сделало бы меня такой счастливой, — взволнованно говорила она, и её загорелое, резких очертаний лицо, оттенённое белокурыми волосами, стало прекрасным. — И единственная просьба к вам: пошлите меня завтра же, не отсылайте меня в политуправление фронта, я не нуждаюсь в отдыхе!

Андрей Ефимович подумал, покачал головой, потом улыбнулся.

— Да ведь нам не к спеху, — сказал он. — Немножко будем выравниваться, закрепляться на занятых рубежах. Деркул, тем более Донец с ходу не возьмёшь. И Миллерово и Каменск держат

нас. А вам есть что порассказать в политуправлении. Значит, нам пока не к спеху. Выступите дня через два-три.

— Ах, почему не завтра! — воскликнула Катя.

На третий день к вечеру Екатерина Павловна снова была в знакомой деревне, в хате у Гали. Екатерина Павловна была всё в том же полушубке, и в тёмном платке, и с тем же документом учительницы с Чира.

Теперь в этой деревушке стояли наши. Но высотки в направлениях на север и на юг всё ещё были заняты противником. Линия немецких укреплений проходила по водоразделу между Камышной и Деркулом, и в глубине на запад, и по самому Деркулу.

Маленький Сашко, такой же аккуратный и безмолвный, ночью провёл Катю тем же самым путём, каким когда-то вёл Катю старик Фома, и она попала в хатёнку, где несколько дней назад напутствовал её Иван Фёдорович.

Цена 9 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В серии «Книга за книгой» в 1973 г. выходят следующие книги:

Водопьянов М. — ШТУРМАН ФРОСЯ.

Рассказы о Великой Отечественной войне

Воскресенская З. — РОТ ФРОНТ.

Рассказы о юных пионерах

Драгунский В. — КРАСНЫЙ ШАРИК В СИНЕМ НЕБЕ.

Весёлые рассказы о мальчике Дениске

Марков Г. — ДЕД ФИШКА.

Рассказы о борьбе партизан с белогвардейцами.

Эти книги по мере выхода их в свет можно приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.